

ФИЛОСОФИЯ

УДК 215

ОБОСНОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ДУХОВЕНСТВА В САКРАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ СЕНСИМОНИСТОВ

*канд. филос. наук В.И. ИОНЕ**(Могилёвский государственный областной институт развития образования)*

Представлены результаты исследования религиозно-философских текстов К.-А. де Сен-Симона и Б.-П. Анфантена, основателей и руководителей «нового христианства». Определяются стратегии рациональной аргументации авторов, направленной на обоснование теократической модели общественного устройства и высшего социального статуса клира. Осуществляется оценка состоятельности и логической непротиворечивости конкретных аргументов. Делается вывод о субъективно-идеалистическом характере используемых стратегий аргументации, о широком использовании авторами текстов подмены понятий, манипуляции историческими фактами, установлении фиктивных логических и причинно-следственных связей с целью продвижения своего утопического проекта.

Введение. Для новых религиозных движений вопрос обоснования статуса человека, играющего роль сакрального посредника между рядовыми верующими и объектом их веры, особенно актуален по многим причинам, и в первую очередь в связи с неопределённым социальным статусом самих этих движений, то есть фактическим отсутствием внешних оснований для внутреннего распределения власти. Сохраняющийся длительное время маргинальный характер их деятельности в обществе порождает необходимость поиска все новых способов легитимации руководителей общины в качестве средства компенсации непрочности и уязвимости их положения. Причем чем образованнее и интеллектуальнее лидер движения, тем чаще он прибегает к рациональным или квазирациональным формам обоснования своих претензий на истину и на власть, не полагаясь только лишь на харизму и суггестивное воздействие. Как правило, модель социальных отношений внутри общины, отчасти сконструированная религиозным лидером, отчасти возникшая стихийным образом, становится основой (сакральным образцом) для миссионерской «экспансии», то есть попыток преобразования внешней социальной среды, что делает новые религиозные движения частью периферии политической системы общества.

В этой связи значительный интерес представляют религиозно-философские тексты К.-А. де Сен-Симона (1760–1825), основателя и пророка «нового христианства», а также одного из его ближайших последователей, «апостола» и «первосвященника» Б.-П. Анфантена (1796–1864). В этих текстах религия выступает как основной политический институт, а тем или иным образом понимаемый клир – как высший класс, определяющий цель и направление социального развития. Соответственно, значительное внимание уделяется обоснованию особого статуса духовенства в качестве социальной группы, обладающей знанием божественного закона и способностью воплощать его в общественной жизни. Определение стратегий рациональной аргументации, используемых в произведениях Сен-Симона и Анфантена и направленных на обоснование теократической модели общественного устройства, а также оценка состоятельности и логической непротиворечивости конкретных аргументов в рамках данных стратегий являются целью исследования в настоящей работе. Отдельные аспекты обозначенной темы были ранее раскрыты в наших публикациях [1–5].

Основная часть. Сакральные тексты сенсимонистской религии можно условно разделить на «священное писание», то есть произведения самого Сен-Симона, и «священное предание» – труды его последователей, различным образом интерпретировавших доктрину своего учителя. Сравнительный анализ этих двух групп текстов показывает, что первосвященники нового христианства (в том числе Анфантен) стремились следовать скорее духу, чем букве сенсимонистского учения, так как их собственные представления о характере и функциях класса священнослужителей в некоторых существенных аспектах отличаются от тех, которые излагаются в первоисточниках.

Утопия Сен-Симона – это своеобразный гибрид монархии, теократии и технократии, где первый элемент, на наш взгляд, является сугубо конъюнктурным, выступая в качестве дани постреволюционному периоду развития Франции, политический климат которого определялся сначала личной диктатурой (Робеспьер, Наполеон), а после – реставрацией власти семьи Бурбонов. Хотя доктрина Сен-Симона предполагает упразднение непродвижающих «паразитических» классов, в действительности он никогда

открыто не выступал против актуального политического режима, поэтому королевская власть и находящиеся при монархе правительство трактуются в его произведениях как рудиментарные, но психологически важные политические институты. Их основная функция – сдерживание анархических и революционных побуждений масс в ходе мирной реорганизации общества.

Напротив, два других элемента (теократия и технократия) – это краеугольные камни, которые легли в основу утопической доктрины мыслителя. Уже в первом своем труде «Письма женева обитателя к своим современникам» [6] он предлагает передать высшую духовную власть в каждом из европейских государств в руки членов «советов Ньютона», формируемых путем выборов из наиболее выдающихся деятелей науки и искусства. Последние при этом должны будут стать авангардом новой политической элиты и нового духовенства, приходящих на смену аристократии и христианскому клиру.

Помимо формирования политической организации на основе советов Ньютона, одной из важнейших задач, стоящих перед учеными, является, согласно Сен-Симону, создание догматики обязательной для всех граждан «религии Ньютона» на основе упрощенных и популяризованных естественнонаучных знаний, пропаганды закона всемирного тяготения в качестве закона божьего. Деятели искусства в свою очередь призваны разработать культ новой религии, пышный и поражающий воображение масс. Таким образом, ученые выступают как «идеологи», а художники – как «инженеры человеческих душ», составляя вместе замкнутую олигархическую группу, обладающую абсолютной властью.

Обоснованием подобной абсолютной власти нового духовенства служат, согласно Сен-Симону, следующие общие соображения. Главная цель всех одаренных людей – это прогресс просвещения. Ради данной общей цели они способны забыть о частных интересах и трудиться на благо человечества при условии удовлетворения их материальных потребностей и амбиций. Создание церкви Ньютона, то есть религиозно-политической организации деятелей науки и искусства, позволяет им сразу получить финансирование и признание, избавляя их тем самым от необходимости добывать эти блага самостоятельно, давая полную свободу самовыражения и творчества. «Благодаря этой мере, вы наконец отдадите бразды правления тем, кто работает для прогресса вашего просвещения, вы наделите этих руководителей широкими полномочиями и снабдите их деньгами» [6, р. 6]. Прогресс «просвещения», как его понимает Сен-Симон, неизбежно приведет к быстрому прогрессу общества, что выразится в первую очередь в росте благосостояния самого многочисленного и самого бедного класса.

Для усиления первого аргумента Сен-Симон решает использовать доказательство от противного и предлагает сравнительный анализ, объектами которого являются, с одной стороны, его всенародно избранный «гений», а с другой – академик, как пример актуального положения ученого. Основная проблема академика – это его неизбежная зависимость от власти предрержащих, от частных корпоративных интересов, от авторитетов, от своей собственной пожизненной должности. Поэтому он всегда будет фанатично отстаивать общепринятую систему взглядов, подавляя все новое и нетривиальное, препятствуя тем самым прогрессу науки. Член совета Ньютона, напротив, будет совершенно независим от кого бы то ни было, и эта независимость станет питательной средой для качеств, выступающих как побудительные силы общественно полезной деятельности: честолюбия и филантропии.

Как полагает Сен-Симон, история однозначно свидетельствует против академий и академиков. Все наиболее важные научные открытия были совершены людьми, «стоявшими особняком», академики же демонстрировали лишь способность к высказываниям малозначительных истин. Англия, в которой «не было никаких академий», произвела подавляющее большинство великих людей во всех сферах деятельности, именно в ней было открыто больше всего научных истин, именно там новое знание делалось достоянием публики смелее и принимали охотнее. Основателем первой академии во Франции являлся деспот Ришелье, который понимал, что надежда на медали и должности поработит творца, и эта первая «мать-академия» породила сотни других, усилия которых так и не смогли поднять Францию до уровня Англии. Италия переполнена академиями, но насчитывает совсем небольшое количество ученых [6, р. 12–15] и т.д.

Дальнейшая аргументация Сен-Симона в рассматриваемом произведении становится дифференцированной в соответствии с его классификацией общественных классов: в первый класс включены ученые, художники и все люди, разделяющие «либеральные идеи», во второй – капиталисты-собственники, в третий, самый многочисленный, – неимущие, то есть люди, одинаково лишенные выдающихся талантов и собственности, приносящей доход [6, р. 31]. Вероятно, считая, что задача убеждения потенциальных теологов и священнослужителей церкви Ньютона в справедливости своей доктрины решена рассуждениями в первой части «Писем», Сен-Симон концентрирует усилия на подборе доводов для представителей второго и третьего классов.

Аргументация, рассчитанная на класс имущих, разворачивается преимущественно вокруг событий Великой французской революции. Сен-Симон напоминает о «неблагоприятной ситуации», в которую в революционный период попали собственники, подразумевая незаконные и потерянные многими из них иму-

щества вследствие разрушений, захватов и экспроприаций. Далее он указывает на то, что инициаторами революционного движения были ученые и художники, то есть поначалу оно направлялось разумной волей, и лишь сопротивление рациональной реорганизации общества со стороны консерваторов привело к неуправляемым последствиям [6, р. 37–38]. Сен-Симон призывает собственников избегать противостояния с представителями «духовенства», так как в результате общественно-политической борьбы первые всегда пострадают значительно больше, чем последние. Одновременно он прогнозирует скорое приближение общеевропейского кризиса, подобного французской революции. Таким образом, признание верховенства нового клира в вопросах управления обществом становится единственной гарантией безопасности для всех имущих.

Следующий аргумент, на этот раз благоприятный, как отмечает сам Сен-Симон, для самолюбия собственников, заключается в том, что при условии содействия процессу организации нового общества перед ними открывается возможность соучастия во власти. Чем более значительным будет вклад собственника в общее дело, тем большее политическое влияние он приобретет впоследствии. Речь идет о формировании светских властей, подчиненных властям духовным и наделенных исполнительными функциями.

Что касается третьего класса, то для убеждения его представителей Сен-Симон выводит прямую зависимость между количеством ученых, проживающих в определенной стране, и уровнем благосостояния ее граждан. В Англии, пишет он, много ученых, там «все умеют читать, писать и считать» и, как следствие, в этой стране труженики в городах и даже в деревнях «едят мясо каждый день». В России же, где ученым отрезают носы и уши и ссылают в Сибирь, крестьяне «так же невежественны, как их лошади», плохо питаются, плохо одеты и постоянно получают удары палками [6, р. 46–47]. Далее Сен-Симон разъясняет данную закономерность, утверждая, что ученые – это люди, наделенные даром предвидения, благодаря чему их влияние на общество приводит к большей предсказуемости и управляемости социальных процессов. Поэтому в качестве претендентов на высшую власть они не имеют себе равных.

Оценка состоятельности рассуждений Сен-Симона предполагает выделение их базовой предпосылки, которая заключается в постулировании причинно-следственной связи между прогрессом просвещения и прогрессом общества. Данная связь мыслится им как очевидная и не требующая доказательств, хотя после работ его соотечественника, Ж.-Ж. Руссо, такое доказательство сделало бы дискурс Сен-Симона более контекстуальным. Но даже если не принимать во внимание философию Руссо, в обосновании нуждается эксплуатируемый Сен-Симоном идеалистический подход, преподносящий «идею» (в данном случае сумму сакрализованных научных знаний) как первичный феномен, а социальные трансформации как нечто производное. Использование идеалистических схем интерпретации исторического развития в свою очередь подразумевает критику материалистических представлений о нем. Ничего подобного Сен-Симон не предпринимает, что делает все его последующие умозаключения более или менее произвольными.

Далее, если признать справедливым допущение, что просвещение может в той или иной степени приводить к оптимизации системы социальных отношений, эксплуатируемая концепция просвещения должна, вероятно, включать критерий, на основании которого могла бы быть проведена граница между «просвещенностью» и невежеством. Например, И. Кант в качестве такого критерия выделял способность человека пользоваться своим рассудком без руководства извне. Но доктрина Сен-Симона говорит в этой связи о чем-то совершенно противоположном, а именно о воспитании у масс способности к некритическому восприятию научно-религиозных догм, тем самым демонстрируя свою несовместимость с идеей прогресса. Как показывает история, к которой любит апеллировать Сен-Симон, массовая идеологизация населения в долгосрочной перспективе приводит лишь к задержкам в развитии общественного сознания, даже если материалом для идеологии становятся научные концепции. Пример тому – влияние марксизма-ленинизма на становление политической культуры народов СССР.

Следующее явное противоречие доктрины Сен-Симона порождается его утверждением о том, что участие «гения» в системе управления обществом посредством светской власти (правительства) приводит его либо к зарыванию своих талантов в землю, либо к пренебрежению своими должностными обязанностями [6, р. 27]. Думая, что таким образом он забивает последний гвоздь в гроб идеи академической науки, обслуживающей интересы правительства, Сен-Симон полностью дискредитирует и собственную концепцию церкви Ньютона. Ведь если он согласен с тем, что власть развращает гения, то вынужден был бы признать и то, что абсолютная власть развращает его абсолютно. Сен-Симон нигде не поднимает, а соответственно, не решает и связанную с рассмотренным утверждением проблему эффективности политического менеджмента индивида, чье призвание – заниматься научными исследованиями и художественным творчеством.

Единственный, на наш взгляд, веский аргумент Сен-Симона в пользу советов Ньютона как органов власти заключается в предлагаемом им механизме ежегодных всенародных выборов членов советов с возможностью переизбрания каждого из них на следующий срок [6, р. 28]. Он полагает, что такой механизм будет достаточным препятствием для господства личных пристрастий духовенства над общими

интересами народа. Однако, во-первых, влияние избирателя на результат выборов у Сен-Симона напрямую зависит от размера обязательного «пожертвования», сделанного им в пользу церкви Ньютона, то есть выборы не мыслятся им как равные: голос того, кто сделал большее пожертвование, имеет и больший вес. Во-вторых, для несведущего в науках и искусствах большинства предусмотрены предвыборные «консультации», которые проводятся представителями духовенства, оказывающими таким образом непосредственное влияние на волеизъявление граждан. Поэтому в качестве профилактики злоупотребления властью такие выборы были бы малоэффективны.

Использование исторических примеров осуществляется Сен-Симоном достаточно произвольно и тенденциозно. Хотя эволюция естественных наук в Британии в XVII–XVIII веках действительно шла опережающими темпами, но она была обусловлена не формальным наличием либо отсутствием тех или иных институтов, а потребностями бурно развивающегося буржуазного общества, которое на острове стало складываться раньше, чем на континенте. Кроме того, уже в ту эпоху наука стала интернациональной, и результаты научных исследований, полученные британцами, были бы невозможны без открытий, совершенных в рамках итальянского, немецкого, французского, датского, польского естествознания. В частности, работы И. Ньютона, кумира Сен-Симона, основывались на трудах итальянца Г. Галилея и немца И. Кеплера. В то же время Сен-Симон упускает из вида развитие искусства Нового времени, а в этой сфере Британия мало что могла противопоставить Франции и Италии.

Интерпретация событий Великой французской революции в качестве социальных эффектов просветительской деятельности группы интеллектуалов также достаточно сомнительна и является следствием того же идеалистического подхода. Социальная база революции была гораздо шире, а роль ученых и художников в ней значительно скромнее, чем это представлялось Сен-Симону. В этой связи шантаж собственников посредством ссылок на грядущий кризис и особую роль в нем нового духовенства наивен. Сен-Симон периодически забывает о гипотетическом характере своих утопических построений и рассуждает так, как если бы церковь Ньютона уже существовала, а не была плодом его воображения.

Причинно-следственная связь, которую Сен-Симон устанавливает между количеством ученых и благосостоянием простых тружеников, фиктивна, поскольку и то и другое определяется в первую очередь актуальным состоянием экономики. Развивающаяся экономика порождает спрос на новые технологии и знания и может вести к росту благосостояния нации, то есть и количество ученых, и наличие мяса в рационе крестьян в равной степени есть следствия процессов в сфере материального производства, между ними не существует прямой зависимости, хотя одно свидетельствует о возможности другого. Безыскусность данного аргумента явно демонстрирует пренебрежение Сен-Симона по отношению к интеллектуальному уровню неимущих, на убеждение которых он направлен.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что стратегия рациональной аргументации Сен-Симона относительно статуса нового духовенства, изложенная в произведении «Письма женевского обитателя к своим современникам», основана на идеалистическом подходе, который в данном случае является чисто спекулятивным, поскольку лишен развернутой доказательной базы, использует произвольно устанавливаемые причинно-следственные связи и манипуляцию историческими фактами. Объясняется это, на наш взгляд, тем, что идеализм Сен-Симона есть следствие его иррационального религиозного чувства, выражающегося в желании позиционировать себя как нового пророка. По этой же причине текст «Писем» в целом характеризуется очевидным преобладанием эмоционального воздействия над логической связностью.

Аналогичная стратегия аргументации используется и в работе Сен-Симона «Очерк науки о человеке» [7]. Здесь он развивает концепцию о том, что политическая, религиозная, моральная, образовательная системы общества являются выражением «общей системы идей», которая во все времена формируется избранным классом на основе научных знаний. В роли избранного класса обычно выступают жрецы, скрывающие свои знания от народа и предлагающие ему взамен примитивные верования, основная функция которых – поддержание общественных связей. Поэтому жреческая власть и научная мысль единственны [7, с. 171]. В качестве примеров приводятся соответствующие сведения из истории Древнего Египта, Древней Греции и Древнего Рима.

Конфликт между религией и наукой, согласно Сен-Симону, порождается лишь устареванием эзотерических знаний духовенства и возникновением потребности в обновлении общей системы идей, а вместе с ней и всех социальных институтов. Однако сама структура общества, подразумевающая обязательную иерархию классов, олигархический способ организации власти и наличие государственных религиозно-политических учреждений, сохраняется на протяжении всей истории человечества, и было бы неразумно и негуманно менять такое положение вещей. Поэтому и «новое» общество должно строиться на основе того же извечного архетипа. В этом, пожалуй, и заключается главный аргумент Сен-Симона, адресованный элитам: «руки бедняка будут по-прежнему кормить богатого».

Аргументация Сен-Симона, используемая в «Очерке», в целом столь же малоубедительна, как и та, которую он выстраивает в «Письмах», поскольку аналогичным образом основывается на ложной

предпосылке, а именно на отождествлении религиозной и научной мысли. Данное отождествление осуществляется у него за счет подмены понятий, когда в одних фрагментах текста термин «наука» употребляется в значении «система идей», а в других используется для обозначения экспериментального естествознания. Поэтому все экскурсы Сен-Симона в историю с целью обнаружить науку как социальный институт (феномен, возникший в Новое время) уже в лоне древних цивилизаций оказываются несостоятельными. Отстаивание Сен-Симоном архаической модели общественного устройства идет в разрез с его «прогрессивной», «новаторской» и «либеральной» риторикой, что говорит о маскировочном характере последней и свидетельствует о том, что утопия Сен-Симона – одна из форм реакции на революционную трансформацию французского общества.

Главным отличием доктрины Б.-П. Анфантена от учения К.-А. де Сен-Симона является выделение священников в отдельный класс, стоящий не только над собственниками и неимущими, но и над учеными и художниками. Последние лишаются своего «духовного» статуса и соответствующих функций, но остаются в числе элит, продолжая определять интеллектуальные и эстетические запросы общества. В качестве основных задач клира выступают формирование и поддержание «симпатии» (то есть общественных связей), а также мобилизация граждан для достижения общей цели – социального прогресса и улучшения благосостояния народа.

Некоторое представление о миссии священника в новом обществе позволяет получить произведение Анфантена «Сенсимонистская религия: Политическая экономия и политика» [8]. Работа написана в «пророческом» стиле, позаимствованном апостолом сенсимонизма у своего учителя. В ней много пафоса и мало рациональной аргументации, но она важна для понимания общей стратегии обоснования. В главе, посвященной религии, Анфантен посредством большого количества риторических вопросов подталкивает читателя к признанию тезиса о том, что институт священнослужителей – необходимый элемент здорового социума. Именно священники являются блюстителями морали, освящают все фазы человеческого существования (рождение, брак и смерть), проповедуют братство раба и господина, умиротворяют военные и политические конфликты, противостоят светской власти. Они выступают в качестве источника и объекта наивысшей формы любви, наделены лидерскими качествами при полном отсутствии деспотических устремлений, посвящают все свое время общему благу [8, p. 169].

Ключевым пунктом в многословных восхвалениях священников является указание на их исключительную способность к связыванию посредством силы любви различных противоположностей: вечного и временного, мысли и действия, теории и практики, управляющих и управляемых и т.д. Благодаря этой их способности общество может функционировать как единое целое, избегая разрушительных последствий внутренних противоречий. Таким образом, основа власти клира, согласно Анфантену, лежит в сфере чувственности. Через носителей высшей формы чувственности (всеохватывающей любви) реализуется стремление отдельных индивидов и групп к экстастическому слиянию в рамках социума. Данный элемент доктрины Анфантена придает используемой им стратегии аргументации «романтический» характер и позволяет говорить о ее своеобразии в сравнении с той, которая присуща дискурсу Сен-Симона. И в том и в другом случае имеет место субъективно-идеалистическая трактовка природы общественной связи, но для Сен-Симона первичным феноменом является общее понятие, а для Анфантена – аффект.

Обоснование основополагающего значения аффектов в общественной жизни приводится в работе Анфантена «Сенсимонистская доктрина: Изложение» [9]. В главе, посвященной клиру, он начинает с критики распространенного противопоставления чувств и разума, как низшей и высшей, примитивной и зрелой форм познания действительности. Деграцию чувственности в современном ему европейском обществе он считает неоспоримым фактом, который, тем не менее, вовсе не означает увеличения рациональности. Единственным прямым следствием ослабления аффектов, согласно Анфантену, является постепенное разрушение социальных связей, прогресс эгоизма. Поэтому вопреки обыденному мнению, с угасанием чувственности, уменьшается и рациональность, а отсутствие общих переживаний препятствует формированию общей системы идей. К сфере чувственности так или иначе восходят все феномены человеческой деятельности: и рассуждение, и действие подразумевают исходное желание или побуждение. Таким образом, в аффективности «дано единство жизни», заложены принципы любой науки и любой практики [9, p. 436–437].

Анфантен проводит границу между эгоистическим чувством и чувством социальным или религиозным, между любовью к себе и любовью к людям и Богу. Обладая общей природой, они отличаются друг от друга объемом социального пространства, в пределах которого распространяется их влияние. Эгоистическое чувство значимо лишь для одного конкретного индивида, в то время как религиозное охватывает все общество. Именно поэтому священник по определению является «человеком симпатии», выступает в качестве «центра коллективного существования», в связи с чем бесспорна его претензия на роль руководителя человечества.

Далее Анфантен, подобно своему учителю, переходит к историческим примерам. Как свидетельствует история развития христианства и ислама, концентрация в одних руках духовной и светской власти

выгодна с точки зрения социального порядка. Когда возникло христианство, война все еще являлась социальной необходимостью, поэтому христианский клир стремился к разделению религии и политики, к созданию мирного религиозного общества в противовес военному. Но христианство выполнило лишь подготовительную работу, став мостом между прошлым и будущим. Современное общество должно подчиняться одному закону и одному авторитету – религиозному [9, р. 439–440].

Очевидно, что общество – это иерархия, предполагающая наличие «высших» и «низших». Но подобная система отношений нуждается в сверхъестественной санкции, проявляющейся в чувстве предопределенности представителей различных социальных групп, которые в случае отсутствия подобного чувства неизбежно пришли бы к состоянию конфликта, порожденного эгоистическим стремлением «низших» улучшить свое социальное положение. Как лицо, дающее санкцию всякой иерархии, священник заставляет низших любить подчинение, а высших господствовать в соответствии с божественным законом.

Базовой предпосылкой рассуждений Анфантена является утверждение о существовании людей особого типа, обладающих уникальной способностью к переживанию и трансляции любви, выступающей в качестве божественной эманации. Именно эти люди, объединившись, должны создать корпорацию священников, воплощающую божественный закон и осуществляющую в соответствии с ним социальные преобразования. Данное утверждение имеет исключительно догматический характер, поскольку (в отличие от исходных тезисов Сен-Симона) не может быть ни доказано, ни опровергнуто рациональным способом, а только принято или не принято на веру. Таланты в области научных исследований или художественного творчества удостоверяются опытным путем, так как реализуются в зримых результатах деятельности их обладателей, но «дар божественной любви» – это качество, определяемое по чисто субъективным основаниям. Вероятно, по этой причине автор «Доктрины» ничего не говорит о механизме формирования института священников, для чего были бы необходимы объективные критерии отбора.

Наличие у священников врожденной способности к социальной организации выводится Анфантеном из базового догмата за счет неправомерного отождествления понятий «социальное» и «религиозное», что является логической ошибкой и не может рассматриваться как аргумент. Если говорить о влиянии религии и ее служителей на общество, то следует признать, что оно далеко не всегда приводит к более высокому уровню организации системы, часто интересы религиозной общины противоречат естественной логике развития и потребностям общества. Бесспорным является тезис Анфантена о том, что концентрация светской и духовной власти в руках представителей одной социальной группы ведет к большему общественному порядку, однако такой «порядок» имеет, как правило, очень мало общего со свободой мысли и действия – необходимой предпосылкой общественного развития. Таким образом, все попытки Анфантена установить зависимость между религиозностью и социальным прогрессом оказываются несостоятельными.

Заключение. Стратегии аргументации, используемые в произведениях К.-А. де Сен-Симона и Б.-П. Анфантена с целью обоснования особого статуса духовенства и теократической модели общественно-политического устройства, основаны на субъективно-идеалистической трактовке социальных процессов. В качестве субстанции и принципа организации общества у Сен-Симона выступает общее понятие или «идея», а у Анфантена – чувство. Соответственно иерархия идей (либо чувств) становится в доктринах рассматриваемых мыслителей основой социального расслоения, а индивиды, причастные к высшим формам проявления «первоначал» общественной жизни, предлагаются на роль руководителей человечества. В учении Сен-Симона таковыми являются ученые как создатели и популяризаторы «системы идей», а в концепции Анфантена – священники как источники и трансляторы сверхчеловеческой «любви». Таким образом, стратегии аргументации Сен-Симона и Анфантена имеют общую природу, но отличаются по характеру. В первом случае речь идет об «отвлеченно-идеалистическом», а во втором – о «романтически-идеалистическом» подходе.

Конкретные аргументы, используемые в рамках избранных стратегий, чаще всего носят произвольный или квазирациональный характер, не формируют логически непротиворечивой доказательной базы. Широко используются приемы подмены понятий, манипуляции историческими фактами, установления фиктивных логических и причинно-следственных связей. Указанные особенности аргументации, а также эмоциональная насыщенность исследуемых текстов свидетельствуют о том, что их авторы делали ставку на суггестивное воздействие, а не на рациональное доказательство, которое выступает лишь в качестве дополнительного инструментария убеждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ионе, В.И. «Новое христианство» А. Сен-Симона и аксиоматика социальной солидарности / В.И. Ионе // История, философия, политика, право: Научные труды преподавателей гуманитарных дисциплин / Могилевский гос. ун-т продовольствия; БИП – Институт правоведения; под общ. ред. В.Д. Выборного, А.А. Скикевича. – Могилев, 2011. – Вып. 1. – С. 42–47.

2. Ионе, В.И. Письма женеvского прорицателя: ньютопианство и культ гениев в социальном проекте К.-А. де Сен-Симона / В.И. Ионе // Религия и общество – 6: сб. науч. ст.; под общ. ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. – Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2011. – С. 122–124.
3. Ионе, В.И. Послание апостолов: вопросы собственности, демократии и гендерных отношений в сенсимонистской религии / В.И. Ионе // Религия и общество – 7: сб. науч. ст.; под общ. ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. – Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2012. – С. 164–168.
4. Ионе, В.И. Концепция «позитивной политики» в утопической доктрине Сен-Симона / В.И. Ионе // Вестн. Воронежского ин-та МВД России. – 2013. – № 1. – С. 179–184.
5. Ионе, В.И. Вопросы семейного права и этика межполовых отношений в религиозных дискуссиях сенсимонистов / В.И. Ионе // Вестн. Воронежского ин-та МВД России. – 2014. – № 1. – С. 268–275.
6. Saint-Simon, Claude-Henri de. Lettres d'un habitant de Genève à ses contemporains / Claude Henri de Saint-Simon, 1803. – 103 p.
7. Сен-Симон, К.-А. де. Избранные произведения: в 2-х т.; пер. с франц. под ред. Л.С. Цетлина. – Москва, Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР. – 1948. – Т. 1. – 467 с.
8. Enfantin, Barthélemy-Prosper. Religion saint-simonienne: Economie politique et politique / Barthélemy-Prosper Enfantin. – Paris: Le bureau du Globe, à l'Athénée, Salle Taitbout, 1831. – 176 p.
9. Enfantin, Barthélemy-Prosper. Doctrine saint-simonienne: Exposition / В.-Р. Enfantin, Н. Carnot, Н. Fournel, Ch. Duveyrier. – Paris: Librairie nouvelle, 1854. – 495 p.

Поступила 04.05.2015

EXPLANATION OF THE SPECIAL SOCIAL STATUS OF THE CLERGY IN THE SACRED TEXTS OF SAINT-SIMONIANS

V. IONE

The article presents the results of the study of the religious and philosophical texts of Saint-Simon and Enfantin, the founders and leaders of the "new Christianity". The author of the article detects the strategies of the rational argumentation of Saint-Simon and Enfantin (this rational argumentation is aimed at substantiation of a theocratic model of social organization and higher social status of the clergy) and evaluates logical consistency of some specific arguments. The author of the article arrives at the conclusion, that the strategies of argumentation have a subjective-idealistic nature, and that Saint-Simon and Enfantin often use substitution of concepts, manipulate historical facts, and establish fake logical links to promote their utopian project.